

ПРОЛОГ

1918 год

Они крались по лугу, пригибаясь, едва ли не на четвереньках. Замирали, когда луна выкатывалась из-за туч. Рядом плескалась Змейка, стрекотали цикады. Поле казалось горой, по которой надо карабкаться, цепляясь за стебли ярутки, и каждый шаг отдавался болью в суставах.

Со стороны Шестина загрохотали пушки. Лариса припала к земле. Оглянулась, дернула брата за рукав: ложись! И тут же испугалась, что Гриша больше не сможет подняться, продолжить путь. В лунном сиянии его лицо было белой маской, восковым слепком. Рубаху измарала кровь.

Он мотал курчавой головой, словно отнекивался от зовущей смерти.

— Чего встали? — шикнул из зарослей Маклок. В его бороде запугались травинки, глаза под косматыми бровями сверкали. Маклок прекрасно понимал, что сделают с ними троими комиссары, попадись они в красные лапы.

— Артиллерия, — прошептала Лариса.

— Чую, что не Илия на колеснице. В воздух бьют. Характер показывают.

Для Маклока, воевавшего на Восточном фронте, канонада была делом привычным. Сельская учительница Лариса Ганина только приноравливалась к пеклу войны.

— Как ты, голубчик?

— Жарко,— прохрипел Гриша.

Они поползли дальше. Брат отставал, тяжелея, клонился к земле, точно кто-то незримый залез ему на закорки.

«Господи Иисусе, Пресвятая Богородица, выведите!»

Кусты расступились, изрядно оцарапав. За малинником, в чистом поле, стояло трехэтажное здание, словно венчая собой ту гору, на которую взбирались беглецы. Оно напоминало корабль посреди зеленого океана. Киль по центру фасада вытягивался к людям. Темные окна переливались серебром. Движение туч создавало странный эффект: в окуляре под двускатной крышей мелькали тени, оконце шевелилось, как глазное яблоко в лакуне глазницы, выискивая гостей.

У дверей валялся столб. Гнила ничейная телега без колеса.

Квакали надсадно лягушки, и липкая кисть брата выскальзывала из пальцев.

Лариса двадцать три года жила в Михайловке, она много раз проходила мимо электрического дома. Дядька возил сюда дрова трижды в неделю. Он говорил, что раньше тут жили чернокнижники, и местные видали, как темноволосая девка вылетала из дымохода, оседлав метлу и, в чем мать родила, носилась по воздуху. Повзрослев, Лариса перестала верить подобным сказкам, но в детстве истории о ведьмах ее будоражили.

Теперь в электрическом доме не было ни электричества, ни обитателей. Пустое здание отражало стеклами мертвенный свет.

— Сюда! — сказала Лариса.

— Нельзя,— запротестовал Маклок,— вперворядь обьщут!

— Сюда! — настаивала девушка.— Он и версту не пройдет.

Маклок замолчал, прикидывая, теребя бороду.

— Пусть оклемается,— сказал.

Вдвоем они подхватили Гришу под локти, потащили к дому. У Маклока на плече болталась пехотная винтовка, у брата был заткнут за пояс трофейный «веблей». Вот и все козыри против отряда из пятидесяти отборных красноармейцев, во главе с начальником губмилиции.

— Давай, голубчик,— приговаривал Маклок,— поживи маленько.

Сапоги Гриши волоклись по порогу, по мозаичной надписи «Salve». Багровая капля ударилась о пол, звонче, чем шаги.

— Никого здесь?

— Никого.

В парадной властвовала полутьма, зыбучая, засасывающая вглубь. Маклок взял обессилевшего Гришу под мышки, потянул вверх по лестнице. Ноги застучали, отсчитывая ступени. Гриша таращился на сестру мутными глазами.

— Все будет хорошо,— пообещала она, сглатывая ком.

Коридор показался нефом мрачной базилики. Или туннелем под египетскими пирамидами. Гриша метил

дорогу кровавым пунктиром. Губы его напимадились пурпуром.

Конечно, замок квартиры был взломан. Большевики погуляли в господских хоробах. Судя по запаху, облегчились на ковры. Ценные вещи вывезли, а что не пролезало в двери — порубили топорами или шашками. Под подошвами шуршали палки. Кровать превратилась в труху. Маклок мыском расшвырял щепу, положил раненого на паркет. Лариса нашла перину, взрезанную, сыплющую перьями.

— Сейчас, родной, сейчас.

Затолкала перину под затылок. Гриша замычал.

— Я свет запалю,— сказала девушка, вынимая из парусинового мешка лампу.

— Погодь.

Маклок потопал к окну, задернул гардины. То ли варвары забыли сорвать их, то ли карниз не поддался. На мгновение комната погрузилась в угольную тьму. Лариса разогнала ее, чиркнув спичкой. Подо жгла фитиль. Жестяная лампа загорелась бледно-желтым.

— Я снаружи, ежели что,— сказал Маклок.

Лариса кивнула. Непослушными пальцами растегнула грязную рубаху брата. Материя отклеилась от тела.

— Боже,— простонала девушка.

Пуля попала под правую ключицу. В груди зияло ровное отверстие. Темная струйка текла к ребрам.

«Легкое пробило,— догадалась Лариса,— оттого он кровью харкает».

— Где мы? — спросил Гриша. Ему было трудно управлять веками. И языком.

— Мы в безопасности.— Лариса погладила брата по щеке.

— Какой год?

Хотелось ответить: шестой. Шестой год, и тятка зовет нас обедать, а после пойдем на реку, будем в кубарь играть и в козны, и квас ледяной хлебать.

— Восемнадцатый,— сказала она.— Больно тебе?

— Жарко.

— Попей.

Она поднесла к его рту флягу. Смочила губы. Оторвала от юбки карман и прикрыла им рану, как бинтом.

— Хочешь чего?

— Шампанского.

Лариса улыбнулась. Брат смежил веки, задышал прерывисто.

Она посмотрела вокруг себя. Стены гостиной покрывали штофные обои из кретона, люстра под потолком была металлической, добротной, с матовыми стеклами и бумажным абажуром. Шашки и сапоги уничтожили чужой уют. Осквернили иконы (Лариса перекрестилась быстро). Стали рухлядью ореховое бюро, ломберный стол, милая козетка. Среди мусора лежали охотничьи трофеи прежних хозяев: глухари, вальдшнепы. Бедные птицы, убитые повторно. Жалкие чучела в пыли.

Лариса прислонилась к дверному косяку.

Весной некоторые соседи начали называть Ганиных «кулаками». Сначала в хохму, копируя большевистские прокламации. Потом за глаза, потом — презрительно, в лоб.

— Худо будет,— пророчил Гриша, впервые запирая ворота на цепь.

Худо сделалось летом. Голод приехал на комбедовских тачанках. Голод кричал о справедливости и классовой борьбе. Советские изъяли у крестьян зерно, отобрали соль. Ни сухарь посолить, ни заквасить капусту на зиму. В местных советах левые эсеры вяло протестовали против монополии, пока их не выжили. Мужчин мобилизовали на войну с белочехами. Уезд платил пятьсот тысяч рублей чрезвычайного налога, а в Михайловке была одна корова на десять хат.

Страх выгрызал Ларисе нутро. За себя, за брата. Гриша договорился со священником, спрятал в модельне Тита Чудотворца десять пудов зерна. А что, если комбед найдет?

В июне красные переписали сельских лошадей для кавалерии, и михайловские двинули к волисполкому. Состоялся стихийный митинг, на котором Гриша проявил себя лидером. Народ изрядно поколотил председателя, отнял карточки учета. Все веселились и пели, а Лариса захлебывалась от страха, она помнила, как подавили мятеж в Валдайском и Бологовском уездах.

На общеволостное собрание прибыл секретарь уездного комитета Варшавцев. Высокомерный и плюгавый.

— Это бунт? — спрашивал он. — Это расценивать как бунт?

Толпа притихла, но поднялся с места Гриша.

— Нам жрать нечего! У нас хлебный паек — полтора фунта в месяц!

— Это тебе нечего жрать, морда? — хмыкнул секретарь.

«Богоматерь, запечатай братику уста», — шептала про себя Лариса.

— Мне! Им!

— Ты за них не говори! — Варшавцев набычился над кафедрой.— Атамана корчишь?

— Земляки,— Гриша обвел взором людей,— соседушки! Подпишем резолюцию!

— Писать умеете? — насмехался Варшавцев.

— Нет — мобилизации лошадей!

Толпа заворчала согласно.

— Нет — смертной казни! Нет — красному мародерству!

Прозвучали одобрительные крики.

— Разрешить торговлю! Прекратить гонение на церковные обряды!

Крестьяне вскакивали с лавок.

Варшавцев прорычал сквозь гомон:

— Контра! Зеленая контра!

— Тварь! — бросил ему Гриша.— В галстук к нам приперся, тварь!

— В галстук! — возмущенно завопили крестьяне. Кузнец Семен налетел на секретаря и врезал по сусалам. Избитого, его вышвырнули на двор.

— Постановили,— зло сказал Гриша, свежеиспеченный атаман повстанцев.

Лариса потрясла мешок, выгребла сухари. Осторожно извлекла револьвер из-за пояса брата. Уроки стрельбы преподавал ей Маклок. Он нагрязнул с дезертирами из Ярославской губернии. Воодушевил мятежников кипящей энергией. Ненадолго хватило воодушевления. Через неделю переагитированные крестьяне являлись с повинной в ЧК, а оттуда уезжали на фронт. Но оставались упорные...

Лариса пошла по коридору. Прюнелевые ботиночки вязли в трухе. Рука с лампой казалась коконом

желтого света. Фитиль потрескивал, плескалось масло в жестяном жирнике. Выходя на этаж, она предусмотрительно оставила лампу за углом.

Подъезд пронзали серебристые лучи. Луна была на диво большой. Где-то вверху жужжала крупная муха, стучалась о стекло.

Маклок дежурил на площадке между первым и вторым этажами. Открыл подъездное окно, уперся коленом в подоконник. Штык на стволе бердана поблескивал. Пахло болотной гнилью. С пролета Маклок уложит любого мазурика, который сунется к дому.

— Как он?

— Задремал.

— Еще нас переживет.

— Поешь.

Маклок жадно захрустел сухарями.

— Тебе тоже поспать не мешает, — сказала Лариса. — Я могу караулить.

— А у меня полмозга спит, а пол — бодрствует. Я и во сне красных бью, не сомневайся.

Лариса похлопала его по плечу и двинулась обратно. В стенах здания гудел ветер. Тамбур никак не кончался.

Она хотела бы сказать, что Маклок — хороший человек. Что хороший человек — ее брат. Или она сама. Но это было не так. Они прятали зерно в часовне. Они били людей (большевиков). Сожгли контору шестинского исполкома.

А когда в среду приехал продотряд изымать последнее, Гриша сотворил великий грех.

Он лично убил комиссара, на глазах крестьян вогнал ему нож в шею.

Лариса вспоминала, как запенилась кровь, хлынула фонтаном. Как уцепился комиссар за рубаху брата, точно тонул.

— Востро? — спросил Гриша. Он был похож на демона.— Это тебе революционный налог!

Теперь брат лежал в мусоре, среди птичьих чучел и битых икон.

— Кто здесь? — спросил он хрипло. Лицо усеяла горячая роса.

— Я, Лара.

— Кто-то кроме. Там, в углу.

— Ты бредишь.

— Нет же.

Лариса села на паркет, облокотилась о рухлядь. Комната покачивалась, двоились револьвер и свет в лампадке. Она подобрала кусок иконы с фрагментом Христова лика, стиснула.

Реввоенсовет объявил, что кулаки понесут заслуженную кару без всякого снисхождения. Послал за мятежниками отряд.

«Помоги, Господь, нам, помоги!» Голова опустилась на занозистые щепки.

В желтой мгле за сомкнутыми веками ждал сон.

Лариса находилась в той же гостиной, но не разграбленной, с диванчиками и пудрёзами, с непривычным электрическим освещением. В окна заглядывала луна, невероятно, колоссально громадная.

Дом гудел. Дом жил какой-то телесной жадной жизнью. В чуланах и тайных комнатuşках звучали шаги, кипела работа. Лариса вспоминала, как посещала осенью машинную наборную, где корпели корректоры, служащие бегали, сбиваясь с ног, воздух был горяч

и тяжек от запаха типографской краски. Монотонно лязгали хитрые механизмы, гремели матрицы, будто молотки о наковальни. Метранпажи переругивались.

За стенами возродившейся гостиной царил такой же кавардак.

Но голос, который Лариса слышала, заглушил топанье и скрежет. Голос был полон сострадания.

Девушка появилась в дверях, красивая, величественная. Водопад смоляных волос спускался на белоснежное платье, и Ларисе стало стыдно за свой наряд. На плечах красавицы балансировали дятел и вальдшнеп.

— Ты утомилась,— сказала девушка.

— Очень,— выдохнула Лариса.

— Ты можешь попросить.

— Я прошу! — Она упала перед незнакомкой.— Я умоляю!

— О, не меня. Попроси дом помочь тебе.

— Дом?

— Да. Он живой, ты же чувствуешь? Попроси его так...

Лариса впитывала волшебные слова, впитывала и повторяла. Вальдшнеп порывлся клювом в смоляных прядях незнакомки, выудил муху и съел ее. Пахло сыростью, тленом.

— Домик, спрячь нас,— прошептала Лариса.

Свет померк. Незнакомка исчезла. Лариса оторвала щеку от руин ломберного стола, потянулась. Встретилась взглядом с Гришей. Гриша умер, пока она спала. По остекленевшему глазу ползала муха. Струйка крови спускалась из уголка рта. На переносице налипло перышко.

— Братик,— промолвила Лариса, роняя икону.

Поплелась к Грише. И ужас объял ее, ужас, какого она еще не испытывала. Лампа задрожала, затрепетало пламя.

Между раскинутых ног брата стояла высокая бутылка. Пробка с пружиной покоилась в коченеющей руке мертвеца. На дне сосуда оставалась золотистая жидкость. В ней беззвучно лопались пузыри.

Лариса склонилась к бутылке, коснулась этикетки.

«Нижегородский монополь,— прочитала она.— Игристый, свадебный. Нектаральный вкус». И чуть ниже, мелким шрифтом: «При откупоривании остерегаться взрыва».

Это не был мираж. Самое настоящее шампанское здесь, в пустом доме.

Она прижала ладонь к губам.

В подъезде треснул выстрел. Лариса опрометью бросилась из квартиры. Масло капало в стеклянное дно плошки, и свет ерзал по черным стенам.

«Я забыла взять револьвер!» — обреченно подумала Лариса.

Маклок сидел возле окна. Но не спал, как утешала она себя. Из его макушки выростала к потолку винтовка.

«Это не взаправду!» — запричитала Лариса.

Штык вонзили в темечко Маклока, так что острие прошло через мозг, нёбо, язык и мягкие ткани подбородка и уткнулось в грудь, не давая голове упасть.

Лампа звякнула о бетон, расплескивая горячее. Свет померк, тьма надвинулась из углов. В тамбурах кто-то захихикал.

МУХИ

Не помня себя от страха, Лариса метнулась вверх по ступенькам, схватилась за цевье винтовки. Четырехгранный штык выходил, как нож из тыквы. Намушник был испачкан частичками мозга.

Лариса завизжала, выдергивая оружие. По бетону что-то шлепало, приближаясь.

Отчаянно захотелось жить.

Она нагнулась, ощупала карманы Маклока. Нашла патроны. Взгляд устремлялся во мрак. Мрак чавкал и хрюкал, как легион.

Лариса взялась за рукоять, передвинула затвор по оси. Патронник плюнул латунной гильзой. Она запрвила новый патрон, заперла, взвела ударник. Налегла, как учили: слева направо до упора гребня в стенку коробки. Вскинула берданку.

И увидела его прямо перед собой: истинного хозяина дома.

Звонящий вопль разнесся по этажам.

Дом спрятал беглецов в своей темной утробе.